

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Амановой Гулистан Абдиразаковны «Художественная специфика традиционной литературы Кореи и опыт модернизации ее поэзии. Теоретические аспекты», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.08.08 – Теория литературы. Текстология

На каком фактическом материале основывается теория литературы? Традиционно на литературном процессе Западной Европы и России, с эпизодическим подключением произведений отдельных писателей Северной и Южной Америки. Литературные образцы Азии, Африки и Австралии, если не считать классических шедевров индийской и китайской древности, в лучшем случае лишь подразумеваются. И уж совсем на периферии остаются своеобразные артефакты дальневосточной поэзии. Диссертация Гулистан Абдиразаковны Амановой заставляет задуматься, насколько справедлив такой порядок вещей. Основной ее пафос состоит в обсуждении некоторых проблем теории литературы в историческом освещении на экзотическом материале не самой популярной как у нас, так и во всем мире корейской поэзии.

Свою рецензию на одну из первых книг Гулистан Амановой, помнится, я начал знаменательной фразой: «Восток – дело тонкое, а Дальний Восток еще тоньше!», имея в виду уникальность самого обращения каракалпачки из Узбекистана к исследованию на русском языке поэтических произведений классической корейской поэзии, связанной неразрывными узами с поэтической культурой Китая, в соотношении с их модернизированными модификациями под влиянием западных образцов. Столь многоаспектный исследовательский дискурс поражает воображение своим поистине глобалистским размахом, весьма, кстати, уместным именно для построения универсальной, не ограниченной региональными предпочтениями теории литературы.

Среди поставленных на обсуждение теоретических проблем наибольший интерес вызывает четко обозначенная во Введении проблема *поэтики подражания* в связи с национальной спецификой в динамике литературного процесса Кореи и взаимодействия с мощным влиянием великих литератур соседних народов Китая, Японии, России, а также обобщенного Запада. Конкретизируясь, эта главная теоретическая проблема распадается на несколько частных, но весьма актуальных подразделений:

- 1) проблему соотношения корейской, китайской и русско-европейской литературной терминологии;
- 2) проблему своеобразия традиционной корейской словесности на фоне как близких, так и далеких литератур;
- 3) проблемы «реализма» и эпоса как жанра;
- 4) текстологические проблемы (в том числе авторства) переводов корейской поэзии на русский язык, использования подстрочников и поэтических переводов в

научных исследованиях;

5) проблему условной передачи корейского и отчасти китайского стиха в русских переводах из-за коренным образом отличных просодических систем.

Вторая часть диссертации посвящена рассмотрению специфических особенностей национального литературного процесса Кореи: совокупности литературных направлений, течений и всякого рода творческих объединений, жанрологии, стилистического своеобразия и структурной природы стихотворных, прозаических и стихопрозаических произведений. Здесь также не обходится без поэтики подражания. Поэзия Кореи, как и любая другая национальная поэзия, находилась в неизбежном разнонаправленном интертекстуальном взаимодействии с литературами Китая, Европы, Америки, России, в основном – через посредничество Японии.

То, что принято именовать «научной новизной» диссертации, в данном случае состоит в пионерском исследовании проблем теории всей классической корейской литературы и плодотворного периода развития ее поэзии конца XIX- первой половины XX вв., т.е. периода ее интенсивного взаимодействия с самыми передовыми литературами Европы. Выявление специфических особенностей литературного процесса Кореи показало, что подходы, характерные для российского и западного литературоведения, применительно к нему малоэффективны, ибо, как утверждал Д.С. Лихачев, мы можем изучать и интерпретировать только те литературные явления, которые исторически возможны.

Как же справилась соискательница с поставленными перед собой целями и задачами? Рассмотрим их последовательно:

Первая глава полностью посвящена актуальнейшей, по сути дела, ключевой проблеме адекватности применяемой терминологии. Без четко отрегулированной системы терминов невозможно не только построить универсальную теорию литературы, но и вообще само по себе литературоведческое общение. Нет ничего проще, чем вводить все новые и новые термины, но и нет ничего труднее, как потом этими терминами пользоваться, ибо при огромном стечении литературоведов, литературоведческих школ и национальных традиций неизбежно повторение Вавилонского столпотворения на терминологическом уровне. В 70-80-е годы, когда самой популярной формой повышения квалификации были 4-месячные ФПК и работники высшей школы, в том числе и филологи командировались в ведущие вузы страны, мне запомнились слова Ульриха Рихардовича Фохта о необходимости снабжать наши монографии толковым словарем употребляемых терминов. Но речь шла всего лишь о разноголосице в терминологии на одном языке. Как показала Гулистан Аманова, сшибка терминологических систем корейских, китайских, японских, российских и западно-европейских литературоведов напоминает восточный базар, на котором продавцы и покупатели говорят одновременно на разных языках и воображают, что все-таки понимают друг друга. На самом деле шум в каналах связи искажает истинный смысл практически всех теоретических понятий, в результате чего воспринимающему сознанию приходится домысливать

значение чужеродных терминов, сопрягая их с ближайшими аналогами на своем языке. Далеко не всегда их семантика совпадает.

Сравнительный анализ литературоведческих терминов, содержащихся в антологиях корейской поэзии, изданных в Корее или в переводах на русский язык в России, употреблявшихся в разные эпохи представителями советского и российского корееведения, а также корейскими и китайскими критиками и литературоведами, проведен в диссертации исключительно тщательно и профессионально, даже, можно сказать, с избыточной полнотой. Однако он несомненно бы выиграл, если бы главное внимание было уделено терминам, актуальным для основного предмета исследования – поэзии, а не прозы, зато каждый получил бы предельно широкий спектр значений. В таком случае можно было бы обойтись без специальной главы, заменив ее словарем в приложении, составленным по образцу «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в сопровождении самых характерных примеров их употребления.

Менее всего повезло терминологическим обозначениям жанровых модификаций, ибо «систематизацией всей этой лексики никто не занимался». Но как раз системности в изложении фактического материала первой главе диссертации и не хватает; ощутимой закономерности в их освещении не просматривается.

Выявление специфики корейской словесности на фоне близких и далеких литератур автор диссертации осуществляет параллельно с обзором довольно короткого, но стремительно протекавшего литературного процесса. С внедрением просветительских идей в корейском обществе обострился интерес к иноязычным литературам и само собой – на их фоне – к истокам национальной идентичности. В результате возникло естественное противостояние архаистов и новаторов: «Поэзия борцов “Отряда справедливости” продолжала традиции феодальной литературы, поэтому и противостояла просветительству и модернизации Кореи». Утрата независимости в 1910 г., экспансия японской идеологии, синтоизма и борьба за национальную самобытность, усвоение вместе с тем художественного опыта японской поэзии, объективно более адаптированной к эстетическим веяниям Запада, – все это не могло не привести к «становлению литературы новой по духу, по форме и содержанию». Следствием глубокого разочарования и безысходности явилось возникновение декадентской литературы. В это же время дают о себе знать явственные тенденции символизма и романтизма. Наконец, 20-е гг. характеризуются становлением реалистической и, условно говоря, пролетарской литературы, отражающей жизнь низов корейского общества

На первых порах наиболее близкими, отвечающими самому духу художественного сознания корейских поэтов оказались жанровые традиции синкретического характера, вследствие чего, по мнению соискателя, применительно к жанровой системе дальневосточной поэзии правильнее говорить не о чистых жанрах, а о жанровых ассоциациях, сочетавших самые разные признаки произведений. Подобного рода синкретизм был свойствен, кстати сказать, и древнерусской литературе вплоть до XVIII в. Поэтому, к примеру, жанровая да и структурная природа

«Слова о полку Игореве» сочетает и воинскую повесть, и героическую поэму, и лирический дискурс, и патриотическую оду русской земле, и плач Ярославны, с одной стороны, и эмбриональные элементы как стиховой, так и прозаической организации поэтической речи – с другой.

Принцип синкретизма, считает Гулистан Абдиразаковна, распространяется не только на становление оппозиции «стих/ проза», но и на природу корейской метрики, которую невозможно однозначно определить ни силлабической, ни силлабо-тонической, ни силлабо-квантитативной, ни чисто «квантитативной» на основе «длительности определенного числа слогов». Так или иначе, установилась традиция членить корейский стих на условные разновеликие «стопы», насчитывающие от 1 до 7 слогов.

В числе специфических для дальневосточной поэзии особенностей соискательница выделяет прагматическое отношение к искусству стихосложения и жанровый репертуар, осложненный неразрывной связью с музыкой. Действительно, умение слагать стихи в странах Дальнего Востока, находившихся под безраздельным культурным влиянием Китая, «считалось неперемнным признаком общей образованности». Чтобы получить должность чиновника, надо было не только знать китайские иероглифы, но и уметь написать стихотворение на заданную тему. Правда, и в Древней Греции Сапфо обучала этому искусству своих воспитанниц, готовя из них идеальных жен!

С другой стороны, многие жанры включали в себя кроме вербального ряда синкретически нераздельный с ним музыкальный компонент; таковы: *сайнай* (родные песни) и *хянга* (песни родной стороны, своеобразный эквивалент *кантри*), *чанга* (длинная песня), *чапка* (низкая песня), *вольён* (12-месячный цикл песен, приуроченных к каждому месяцу), *сиджо* (песни времен года) и т.д. Жанровые модели включали в себя и приверженность той или иной канонической строфике. В основном это были затвердевшие формы лирической медитации напевного типа.

Не меньший интерес вызывает зарождение в корейской литературе нач. XX в. «новой поэзии» *синси*, основоположником которой считается Чхве Нам Сон. Кроме чередования наиболее распространенных 3-4-сложных групп он использовал традиционные для японской поэзии размеры *синтайси* с ритмической схемой 5-5 и 5-7, отразив свои новации в соответствующих теоретических постулатах. Их суть, по мнению Амановой, характеризуется всеми признаками романтизма. Творческая эволюция поэта приводит его от романтизма к реалистичности («Стихотворение, сочиненное во время путешествия в Пхеньян»). Закономерно продуцируются и более свободные формы: 1) *чаюси* – аналог японского *дзюси* и европейского верлибра, соединившийся с национально-самобытными предпосылками в традиционной корейской поэзии (в жанре конца XVII – начала XVIII в. *чансиджо*); 2) стихотворения в прозе (*санмунси*, генетически и терминологически связанный с японским *самбуси*).

Дальнейшее развитие новой корейской поэзии Аманова возводит к деятель-

ности журнала «Вестник западной литературы и искусства», на страницах которого выступали поэты, популяризовавшие среди соотечественников сентиментальные произведения Лонгфелло, символистские стихи Верлена и лирические рассказы Тургенева. Они же ввели в эстетический обиход заимствованные на западе декадентские идеи. Особое внимание вызывает их пристальный интерес к творчеству русских символистов: Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, К. Бальмонта. Корейских поэтов-символистов, таких, как Ким Ок, Хван Сок У, Ли Иль, Чу Ё Хан, привлекает прежде всего внутренний мир личности, ее индивидуально-неповторимое видение мира. Отсюда – повышенное внимание к символическим образам и форсированным средствам поэтической выразительности, в основном звукового и колористического характера. Поэты «Вестника» обогатили «новую поэзию» ранее не употреблявшимися ритмами, интонациями, напряженной экспрессивностью, метафоричностью образного языка, изощренной звукописью.

В дальнейшем эстетический ригоризм, свойственный декадентской поэзии, вызвал естественную реакцию отторжения и в конечном итоге привел к традиционному стихийному реализму, отличавшемуся достоверностью изображения и правдоподобием образов, а также к реабилитации национальной классики (модифицированных на новый лад жанров *минё* и *сиджо*), проявившейся в поэзии Ким Со Воля и Хан Ён Уна.

Корейская поэзия 30-40-х гг. демонстрирует господство свободного стиха. Тематический диапазон ее значительно расширяется за счет возникновения модернистской, сюрреалистической поэзии, углубления христианских идей в стихотворениях Юн Дон Чжу, эпики в поэме Чо Ги Чхона. В художественном плане она отличалась большей зрелостью, чем поэзия предыдущих десятилетий.

В заключение диссертации подводятся итоги и намечаются дальнейшие перспективы предпринятого исследования. Соискатель подчеркивает, что «необходим тщательный анализ всех без исключения литературных фактов данной эпохи, более подробный разбор многих названных в работе стихотворений с усилением аксиологического аспекта; нужно проследить генезис тех или иных поэтических форм, продолжить типологическое сопоставление аналогичных явлений в корейской, китайской, японской, западноевропейских, американской и русской литературах и т.д.».

К сказанному могу присовокупить: столь же актуальны разработка более современного и адекватного метода осмысления корейской версификации, соотнесение жанровой системы дальневосточных и западных художественных систем. В этом смысле диссертация выявляет и предоставляет бесценный материал для сопоставления с классическими образцами произведений, литературных форм и художественных приемов европейского и американского ареалов, без чего обоснование общетеоретических категорий на современном этапе развития исторической поэтики просто некорректно. Наконец, диссертация вызывает жгучий интерес, приоткрывая специалистам-филологам новые поэтические материки, представля-

ющие для большинства из нас почти абсолютную terra incognita. Глобализм по отношению к теории литературы реакции отторжения, слава богу, не вызывает.

Наиболее ценный материал диссертации Амановой представлен в главах, посвященных переводам корейских стихов на русский язык. Различные способы и стили трансформации столь отдаленных по просодии и графическому оформлению поэтических произведений дают возможность глубоко осмыслить не только разницу практически не соприкасавшихся друг с другом версификационных систем, но и специфику структурной организации оригинальных корейских текстов и их переводов на русский язык.

Несомненным достоинством рассматриваемого диссертационного исследования является гармоническое единство кардинальных теоретических проблем и их адекватного историко-литературного обоснования. Все многочисленные жанровые модификации корейской поэзии в динамике их исторического бытия детальным образом проиллюстрированы фактическим материалом не только в тексте весьма объемной диссертации, но и за ее пределами в свехпредставительном шлейфе опубликованных статей и книг.

Помимо разработки целого комплекса основополагающих проблем общей теории литературы, исследование Г.А. Амановой может служить дополнительным пособием к курсу сравнительного литературоведения.

Среди немногочисленных замечаний и пожеланий могу перечислить следующие.

1) Прежде всего трудно согласиться с ригоричским отрицанием эпоса в корейской литературе по крайней мере до середины XX века. Согласен, что выраженных эпических жанров в поэзии могло и не быть, но без эпического элемента невозможно представить ни одной национальной литературы. Родовое членение художественной литературы, узаконенное Аристотелем, являет собой абсолютные универсалии, наряду с такими категориями, как север и юг, запад и восток, времена суток и времена года. Самое большее, что можно в связи с этим допустить, это преобладание лирического компонента над эпическим. Наличие такого жанра, как биография, без эпического начала очевидный нонсенс. Описать жизнь человека, не прибегая к нарративу, вообще вряд ли возможно.

2) Перечисляя влияние русской поэзии Серебряного века на декадентское течение в корейской поэзии, почему-то оставлены без внимания русские поэты, эмигрировавшие в Китай, такие, как Арсений Несмелов, Алексей Ачаир, Ларисса Андерсен и др. представители так называемого Дальневосточного фронта, творчество которых обстоятельно описано в работах таких авторитетных исследователей русского зарубежья, как В.В. Агеносов и А.А. Забияко. Их произведения не только в оригинальном виде, но и в переводе на китайский язык несомненно были известны корейским поэтам, оказывая на них определенное влияние.

3) В очень содержательной главе о переводах корейских поэтов на русский язык следовало бы указать на то, что в переводах Веры Ник. Марковой отразились привычные ей стандарты перевода с японского языка на русский, а также на то, что в

большом корпусе переводов А. Ахматовой использованы самые разнообразные размеры, свойственные русской поэзии: не слишком ли далеко это уводило от оригинала?

4) В 1-м параграфе I-й главы на с. 58-59 во фразе: «79 полустиший, равных по слоговому объему строкам 4-стопного ямба или хорей (в зависимости от *клаузулы*), – это отнюдь не 79 и тем более 164 «строфы», как заявляла А.Ф. Троцевич» допущена досадная стиховедческая оговорка. Конечно, речь должна идти не о клаузуле, а об анакрузе – ритмическом зачине, от слогового состава которого зависит каденция: или «Мой дядя, самых честных правил...», или «Дядя, самых честных правил...»: в первом случае, при односложной анакрузе, ямба, во втором, при нулевой, – хорей. Впрочем, это могла быть ошибка А.Ф. Троцевич, на цитату из которой ссылается диссертант.

Но все это частности. В целом же, в соответствии с п.9 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ в диссертации Амановой Гулистан Абдиразаковны поставлена и убедительно решена научная проблема, имеющая немало-важное культурное значение, проблема, углубляющая наши теоретические представления о жанровой и версификационной системах корейской поэзии в их соотношении с типологическими аналогами в поэзии Китая, Японии, России и обобщенного Запада.

Диссертация Амановой Гулистан Абдиразаковны «Художественная специфика традиционной литературы Кореи и опыт модернизации ее поэзии. Теоретические аспекты» является самостоятельной научно-квалификационной работой, соответствует специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология и отвечает требованиям п. 9-11, 13-14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 01.10.2018 г. N 1168). Ее автор Аманова Гулистан Абдиразаковна безусловно заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

29.12.2019

Федотов Олег Иванович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской классической литературы
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

п/адрес: Олег Иванович Федотов, ул. Академика Анохина, д.9, кор.1, кв. 252, Москва 119571, E-mail: fedotov@list.ru Конт. тел.: +7 985 909 1168

